

М. Б. Попов

Рецензия на книгу: Савинов Д. М. **Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах**. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. 319 с.

К настоящему времени наука накопила достаточно большой материал, который дает представление о вокалических системах, сформировавшихся на том пространстве распространения русского языка, которое принято называть Южнорусским наречием. В русской диалектологии давно назрела необходимость в обобщающем комплексном исследовании этих систем при помощи современных лингвистических методов и с учетом последних достижений фонетики. Подобное обобщающее исследование позволило бы нам понять механизмы и причины формирования структурно-типологического разнообразия в оформлении предударного вокализма, которое имеет место в южнорусских вокалических системах. Такое исследование предполагает критическую оценку, а в ряде случаев и пересмотр существующих точек зрения на то, как возникли разные типы аканья/яканья. Оно предполагает как структурно-типологическое описание систем южнорусского вокализма, так и реконструкцию их генезиса. Задача эта, разумеется, трудновыполнима в рамках одной работы, однако рецензируемая монография Д. М. Савинова вносит существенный вклад в ее решение.

В книге Д. М. Савинова предпринята попытка реконструировать эволюцию южнорусских вокалических систем, прежде всего смену моделей предударного вокализма в говорах, которые автор вслед за многими исследователями считает «первично акающими». Композиция книги предельно ясно отражает ее содержание. Каждая глава, пожалуй за исключением первой, начинается с описания современного состояния вокализма говоров и завершается диахронической интерпретацией этого синхронного состояния, что в ме-

тодологическом отношении представляется совершенно оправданным. Для достижения конечной цели исследования — установления причин и факторов эволюции вокализма, прежде всего безударного, южнорусских говоров — Д. М. Савинов сначала выявляет взаимосвязь между типами ритмической структуры слова и типами безударного вокализма в говорах, затем рассматривает системы ударного вокализма и только после этого дает описание моделей предударного вокализма и их диахроническую интерпретацию.

Автор справедливо считает необходимым учитывать просодические характеристики слова и фразы для понимания фонемной структуры словоформы и ее эволюции. Он выдвигает гипотезу, согласно которой редуцированные модели южнорусских говоров и их динамика коррелируют с ритмическими моделями, характерными для соответствующих говоров. Этим проблемам посвящена глава 1 «Ритмическая структура слова в южнорусских говорах».

Опираясь на работы предшественников, прежде всего З. Д. Альмухамедовой, Р. Э. Кульшариповой [Альмухамедова, Кульшарипова] и Р. Ф. Касаткиной [Касаткина], автор выделяет в русских диалектах три основные инвариантные ритмические модели: «волнообразный» контур (2-1-3-1-2), контур «сильный центр и слабая периферия» (1-2-3-1-1 или 1-3-3-1-1) и «совмещенный»¹ контур (2-1-2-3-2-1 или 1-2-1-3-1-2 в зависимости от качества ударного гласного). Выделение этих контуров удачно иллюстрируется спектрограммами, осциллограммами и огибающими интенсивности. В южнорусских говорах представлены два ритмических контура — «сильный центр и слабая периферия» и «совмещенный», который как бы совмещает черты двух других. Однако исторически они выстраиваются в несколько ином порядке: «волнообразный» > «совмещенный» > «сильный центр и слабая периферия». Наиболее архаический

¹ В некоторых работах он называется «смешанным».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

контур — *волнообразный* — сохраняется в некоторых севернорусских говорах (а также в отдельных славянских языках) и предположительно был характерен для ритмической структуры слова в древнерусском языке, праславянском и чуть ли не в раннем праиндоевропейском. Таким образом, в диахронической перспективе *волнообразный* контур сменяется *совмещенным*, а последний преобразуется в модель «сильный центр и слабая периферия». Если учесть, что *совмещенная* модель представлена в юго-западной диалектной зоне, для которой характерно диссимилятивное аканье, а модель «сильный центр и слабая периферия» — в юго-восточной, где господствует сильное аканье, получается, что диссимилятивное аканье исторически сменяется сильным аканьем.

При этом Д. М. Савинов полагает, что первичной в этих преобразованиях вокалических систем является именно ритмическая структура слова, которая и определяет тип вокализма. Вместе с тем автор показывает сложность взаимодействия фонемного (сегментного) и просодического (супraseгментного) уровней. Так, говоря о развитии архаических типов диссимилятивного аканья/яканья (глава 3 «Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья в южнорусских говорах»), Д. М. Савинов отмечает, что на первом этапе формирования диссимилятивного вокализма происходила нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема (процесс фонологический). Это способствовало перестройке ритмической модели слова (становление *совмещенного* контура, сопровождавшегося усилением гласного 1-го предударного слога: 2-1-3-1-2 > 2-1-2-3-2-1), что, в свою очередь, привело в действие диссимилятивный механизм. К проблеме выделения двух этапов формирования аканья я еще вернусь в конце рецензии, но вывод Д. М. Савинова о решающей роли ритмической модели слова в становлении диссимилятивного аканья следует признать обоснованным и перспективным.

Важной иллюстрацией зависимости типа вокализма от ритмической структуры является эволюция гдовского и полновского типов аканья. Проблема происхождения гдовского и полновского аканья (или в терминологии автора — неполного оканья) посвящены не-

сколько разделов первой главы (с. 64–78). Обращение к предударному вокализму северо-западных говоров понадобилось автору для объяснения перехода от неполного оканья к сильному аканью, что, по его мнению, было обусловлено ритмико-просодической организацией словоформы в псковских говорах. Использование понятия ритмического контура позволило Д. М. Савинову пересмотреть традиционную точку зрения, согласно которой гдовский и полновский типы образовались в результате наложения на оканье принципа диссимилятивности, и по-новому объяснить происхождение этих типов предударного вокализма, связав их возникновение с модификацией просодического контура.

В целом глава 1, посвященная изучению ритмических моделей словоформы и их влиянию на формирование типов предударного вокализма южнорусских говоров, является существенным достижением Д. М. Савинова.

В главе 2 «Системы ударного вокализма в южнорусских говорах» основное внимание уделено гласным среднего и средне-верхнего подъема, которые особенно важны для понимания разных типов редукционных моделей. Автор приходит к выводу, что в архаических южнорусских говорах до сих пор сохраняются системы вокализма с четырьмя ступенями подъема, т. е. с противопоставлением фонем /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/. Весьма ценными являются наблюдения Д. М. Савинова над тем, как в исследованных им говорах реализуются соответствующие фонемы. В работе показано, что основными реализациями фонем /ѣ/ и /ω/ являются «восходящие дифтонги» [iѣ] и [yō]. По длительности первый и второй компоненты этих дифтонгов могут быть примерно одинаковыми, хотя интенсивность приходится на второй компонент дифтонга. В тех случаях, когда первый компонент звукового комплекса составляет около 30% длительности, автор говорит о *дифтонгоидах*. Представляется, однако, что, если интенсивность приходится на второй компонент дифтонга, мы все-таки имеем дело с дифтонгоидами, которые Л. В. Щерба называл «ложными дифтонгами». В полном смысле «равновесных» (по О. Есперсену), или «истинных» (по Л. В. Щербе), дифтонгов, судя по всему, южнорусские

говору не знают. Во всяком случае, в книге Д. М. Савинова я такого материала не нашел. По мере углубления автора в артикуляторно-акустические характеристики реализаций других гласных фонем обнаруживается, что даже фонемы /y/ и /a/, которые обычно не трактуют как дифтонги или дифтонгоиды, также могут реализовываться «дифтонгами» (с. 145, 148), причем не только после мягких согласных. С другой стороны, Д. М. Савинов отмечает, что иногда фонемы /ъ/ и /ω/ могут реализовываться дифтонгоидами [y̞] и [i̞e] со столь незначительным контрастом между двумя частями гласного, что на слух такие гласные воспринимаются как «монофтонги» (с. 105). В результате различие между *дифтонгами*, *дифтонгоидами* и *монофтонгами* окончательно размывается. Впрочем, гораздо существеннее другое: в исследуемых говорах наблюдается такая высокая степень вариантности реализаций гласных фонем, что возникает вопрос, можно ли вообще говорить, что в том или ином говоре сохраняется противопоставлением фонем /ъ/ и /e/, /ω/ и /o/. Надо отдать должное автору: Д. М. Савинов учитывает эту проблему и отдельно рассматривает вопрос о том, как можно верифицировать наличие или утрату противопоставления фонем /ъ/ и /e/, /ω/ и /o/ в говоре (с. 82–84). Он прекрасно понимает, что в условиях сильной вариативности произношения этих гласных важнейшим аргументом в решении проблемы их фонологического статуса могли бы стать эксперименты по восприятию соответствующих звуковых сегментов диалектоносителями, однако не всегда это оказывается возможным, и во многих конкретных случаях вопрос остается открытым, а читателю книги приходится довериться интуиции исследователя.

Следует положительно оценить и то, что Д. М. Савинов уделяет значительное внимание способам реализации фонем /e/ и /o/, что отнюдь не всегда делается в диалектологических работах. Важным результатом исследования необходимо признать вывод о том, что при наличии широкого спектра разных звукотипов, реализующих эти фонемы, основными их реализациями в южнорусских говорах являются монофтонги среднего подъема [e] и средне-нижнего подъема [ɔ]

(с. 119), что свидетельствует об отсутствии симметрии в системе вокализма (см. схемы на с. 84–92). Из этого, между прочим, вытекает важный вывод об отсутствии полного параллелизма в эволюции фонем /ъ/ и /e/, /ω/ и /o/. Однако, по наблюдению автора работы, в ряде говоров проявляется тенденция к выравниванию подъема фонем /e/ и /o/, которую Д. М. Савинов трактует как тенденцию к симметричности системы.

Ударный вокализм представляет интерес для автора не только сам по себе, но и потому, что качество ударного гласного в значительной степени определяло специфику различных типов предударного вокализма в южнорусских говорах. С этим связано обращение Д. М. Савинова к диахроническому аспекту системы гласных. В работе достаточно подробно обсуждается аллофоническая реконструкция древнерусских фонем /ъ/ и /e/, /ω/ и /o/. Автор принимает гипотезу А. А. Шахматова о том, что в древнерусском фонеме /ъ/ и /ω/ реализовывались гласными неоднородного тембра [i̞e] и [y̞o]. Против этого трудно возражать в принципе, так как гласные (особенно долгие, но и не только долгие) часто бывают неоднородными в артикуляционно-акустическом отношении, но вряд ли можно согласиться с автором, что материал южнорусских говоров «полностью подтверждает» такую реконструкцию (с. 156). В лучшем случае этот материал ей не противоречит. Сам Д. М. Савинов в другом месте своей работы, правда по другому поводу, совершенно справедливо замечает: «Было бы некорректным проецировать закономерности, характерные для современных диссимилятивно акающих говоров, на прошлые состояния этих диалектных систем» (с. 190). Праязыковые аллофонические реконструкции дело почти безнадёжное, и мы, конечно, не можем узнать, как точно «звучали» древнерусские гласные. Реконструкции поддаются лишь фонемные противопоставления. Что касается шахматовского подхода к таким реконструкциям, как тут не вспомнить слова А. И. Соболевского из рецензии на докторскую диссертацию А. А. Шахматова, где обосновывается именно дифтонгическое произношение древнерусского ятя: «Изложение г. Шахматова отличается полной своеобразностью. Автор не дока-

зывает, не объясняет, а как бы изрекает. Читатель находит у него аксиому, не требующую доказательств и ясную саму по себе, и затем ряд данных, иногда плохо разгруппированных, и всегда не определенных в своем достоинстве и значении. <...> А между тем на этих аксиомах зиждется все здание г. Шахматова! Как будто общеславянский язык нечто вроде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, все эти *ö, ä, ie*, этот более чем странный «слог с неслоговым *ѣ*» могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд» [Соболевский, с. 486–487]. Важно при этом, что Соболевский не отвергает самой возможности дифтонгического характера *ѣ* (и даже допускает такую возможность), но лишь считает утверждения Шахматова бездоказательными. Я, конечно, далек от мысли, что Соболевский критиковал Шахматова с фонологических позиций, но подход последнего к фонетическим (мы бы сейчас сказали, «аллофоническим») реконструкциям он подметил верно.

Кроме гипотезы А. А. Шахматова, автор берет на вооружение и гипотезу Л. Л. Касаткина о реализации древнерусских фонем /*e*/ и /*o*/ дифтонгами, а именно нисходящими дифтонгами [ѣи] и [ѣу] [Касаткин, с. 384–389]. При этом, видимо, предполагается, что фонемы /*ѣ*/ и /*e*/, /*ѣ*/ и /*o*/ различались не признаком подъема, а характером скольжения. Д. М. Савинов полностью разделяет идеи Л. Л. Касаткина о том, что перестройка старорусского вокализма происходит в процессе «монофтонгизации дифтонгов»: сначала монофтонгируются /*e*/ (т. е. [ѣи] > [e]) и /*o*/ (т. е. [ѣу] > [o]~[ɔ]), потом /*ѣ*/ (т. е. [иѣ] > [ɛ]) и /*ѣ*/ (т. е. [уѣ] > [ɔ]). Если я правильно понял мысль автора, фонологическая сущность этого процесса заключается в том, что *корреляция скольжения* (противопоставление восходящих и нисходящих дифтонгов) заменяется *корреляцией по подъему* (противопоставлением гласных средне-верхнего и средне-нижнего подъемов). Д. М. Савинов считает, что причинами этой «монофтонгизации дифтонгов» являются: 1) якобы общая неустойчивость дифтонгов как сочетаний звуков и то, что монофтонгизации вообще часто происходят в языках (со ссылками на В. Н. Чекмана); 2) тенденция к уменьшению

напряженности артикуляционной базы (идея Л. Л. Касаткина). Следует, однако, заметить, что разного рода дифтонгизации тоже довольно частое изменение в языках. Когда речь идет о монофтонгизациях (и дифтонгизациях), важно различать случаи, в которых монофтонгизация сопровождается монофонемизацией, т. е. бифонемный дифтонг превращается в одну фонему (такой процесс был пережит праславянским языком между первой и второй палатализациями), и случаи, когда происходит изменение в реализации фонемы, т. е. аллофонное изменение («монофтонгизации дифтонгов» в русских диалектах). Представляется, что праславянские монофтонгизации бифонемных дифтонгов и «монофтонгизации» монофонемных «дифтонгов», о которых говорит Л. Л. Касаткин и вслед за ним Д. М. Савинов, совершенно разные по своей природе и никак друг с другом не связанные (ни исторически, ни типологически) процессы.

«Монофтонгизация дифтонгов» в русских говорах, вызванная тенденцией к уменьшению напряженности артикуляционной базы, вследствие действия этой же тенденции приводила и к нейтрализации фонем /*ѣ*/ : /*e*/, /*ѣ*/ : /*o*/, поскольку в результате монофтонгизации происходила перестройка вокализма и формирование системы с четырьмя степенями подъема, что увеличивало напряженность артикуляционной базы, т. е. противоречило указанной тенденции. По мнению Д. М. Савинова, оппозиция фонем /*ѣ*/ : /*e*/, /*ѣ*/ : /*o*/ сохранялась прежде всего в тех южнорусских говорах, в которых фонемы /*ѣ*/, /*ѣ*/ продолжали оставаться дифтонгами, а также там, где сохраняется напряженная артикуляционная база (это некоторые северо-восточные — вологодско-вятские, а также юго-западные — калужские говоры) (с. 159–160).

Следующие четыре главы посвящены собственно анализу предупредного вокализма южнорусских говоров. В них подробно рассматриваются типы архаического аканья и яканья (глава третья), щигровский, дмитриевский (дмитровский) и суджанский типы диссимилятивного яканья и прохоровский тип диссимилятивного аканья (глава четвертая), диссимилятивно-умеренный и умеренный типы яканья и белёвский тип

диссимилятивного аканья (глава пятая), и наконец ассимилятивно-диссимилятивные типы аканья и яканья (глава шестая). Все главы строятся по одному принципу: сначала дается описание систем предупредного вокализма, потом его диахроническая интерпретация, т. е. происхождение и дальнейшее развитие в современных говорах.

Важным достоинством этих глав является учет автором сильных и слабых фразовых позиций при определении вариативности гласных первого предупредного слога, а также внимание исследователя к мельчайшим деталям звукового окружения, влияющего на реализацию безударных гласных. Однако фонологический анализ предупредного вокализма в ряде случаев вызывает вопросы. Так, Д. М. Савинов отмечает, что «архаическая система предупредного вокализма в целом может проводиться значительно более последовательно, чем различение под ударением семи гласных фонем; в этом случае фонетический контраст между формами типа *больной* (старик) — *больной* (старухи) может создаваться за счет гласных 1-го предупредного слога» (с. 187). Если речь идет о формах [бэ]льнóй старик (здесь под ударением рефлекс /ω/ из *о под акутом) — [ба]льнóй старухи (здесь под ударением рефлекс /о/ < *ъ), то, видимо, либо в говоре фонологизуется противопоставление фонем /э/:/а/ (если утрачено противопоставление /ω/:/о/), либо сохраняется противопоставление /ω/:/о/, которое отражается в аллофонном варьировании фонемы /а/ 1-го предупредного слога (это в трактовке Щербовской школы фонема /а/, с позиций МФШ — это фонема /о/). Хотя, возможно, имеет место и промежуточный случай, переходный от первого ко второму: противопоставление /ω/:/о/ еще сохраняется, но уже развивается новое противопоставление /э/:/а/¹. Наверное, решить, какой их этапов представлен в том или ином говоре, невозможно, тем более что отнюдь не все зарождающиеся фонологические изменения осуществляются.

Остановлюсь на одном вопросе, имеющем не только терминологический характер.

¹ См. обсуждение возможности развития новой фонемы /э/ в современном русском литературном языке [Попов].

В рецензируемой книге широко используется неудачный и несколько вводящий в заблуждение термин «звукотип» в особом значении, принятом в работах представителей Московской диалектологической школы об аканье, прежде всего диссимилятивном. Фактически за термином «звукотип» в книге скрывается весьма неопределенное понятие. Это и не «звук речи», и не «звук языка», и не «фонема» (причем ни «московская», ни «пражская», ни «петербургская»), но это также и не «звукотип» в обычном понимании. Так, Д. М. Савинов говорит о звукотипе «не-[а]», который имеет множество акустических воплощений ([э], [а], [ы] и др.) (с. 166–168 и др.). В другом месте, при объяснении генезиса ассимилятивно-диссимилятивного яканья новосёлковского типа, говорится о том, что «звук [е] перестает быть отдельным звукотипом и функционально объединяется с гласным [а] в звукотипе не-[и]» (с. 293), что наводит на мысль о звукотипе как все-таки о некой функциональной единице языка наподобие фонемы. Разве возможны звукотипы «не-[а]», «не-[и]» и т. п., характеризующие отрицательно? Обычно понятие звукотипа используется фонетистами как всего лишь удобный и наглядный способ представления позиционных реализаций фонем того или иного конкретного языка. При этом, во-первых, звукотип не может быть определен отрицательно, во-вторых, он ни в коем случае не является языковой единицей². Из контекста читатель, конечно, понимает, что скрывается за «звукотипом» у Д. М. Савинова, но это явно не то, что принято понимать под этим термином в фонетике. Хотелось бы подчеркнуть, что в таком употреблении термина меньше всего стоит, конечно, упрекать автора рецензируемой книги, который лишь следует устоявшейся традиции своей школы.

В главе 4, посвященной цигровскому, дмитриевскому и суджанскому типам диссимилятивного яканья, давая диахроническую интерпретацию материала, Д. М. Савинов проводит тонкий анализ лексических и грамматических факторов, приведших к выравниванию основ и возникновению этих типов

² См. соображения на этот счет Л. Р. Зиндера [Зиндер].

на основе обоянского архаического яканья. Однако трудно согласиться с автором в том, что сохранение чередования /и//а/ перед ударным /о/ в пределах парадигмы ([с'а]л^о — [с'и]л^ом, [с'и]д^ой — [с'а]д^ого) «противоречит общей тенденции грамматического развития в русском языке — к усилению аналитизма». Он понимает эту тенденцию (вслед за некоторыми исследователями) как стремление «к сохранению единообразного вида морфемы» (с. 223). В данном конкретном случае можно согласиться с Д. М. Савиновым в том, что здесь имеет место стремление сохранить единство морфемы, так как аналогическое выравнивание налицо. Тем не менее русский язык с его развитой системой морфонологических чередований гласных и согласных фонем вряд ли можно рассматривать как язык, которому вообще свойственна «тенденция к сохранению единообразного вида морфемы», а кроме того, непонятно, какое это может иметь отношение к усилению аналитизма, если флексии остаются на месте.

В главе 5 рассматривается проникновение принципа умеренности в диссимилятивный механизм аканья, а также формирование диссимилятивно-умеренного и умеренного яканья. Опираясь на подробный анализ этих разновидностей яканья, Д. М. Савинов предпринял попытку оспорить выводы других исследователей о том, что принцип умеренности был привнесен в южнорусский вокализм тульских говоров извне — из севернорусских (Е. Будде, В. Н. Сидорова, Н. Б. Парикова) или среднерусских (Н. Н. Дурново) говоров. При обсуждении разных точек зрения на формирование умеренного яканья автор полностью проигнорировал концепцию В. Н. Сидорова, в который тот (вслед за Будде) обосновал возникновение умеренного яканья как результат наложения модели недиссимилятивного яканья на ёкающий вокализм севернорусских говоров. Эта концепция почему-то подана в рецензируемой книге как концепция Ф. П. Филина (с. 267–268). Д. М. Савинов обнаруживает диссимилятивную основу тульского умеренного яканья и полагает, что толчком к развитию зависимости вокализма предударного слога от твердости/мягкости следующего согласного послужила межслоговая ассимиляция гласных по ряду в системе архаи-

ческого диссимилятивного яканья, которое было основой диссимилятивно-умеренного и умеренного яканья. Эта интересная гипотеза вызывает ряд вопросов, на которые пока нет ответов.

Так, если причиной самой межслоговой регрессивной ассимиляции, по мнению Д. М. Савинова, стала «монофтонгизация дифтонгов», т. е. «распространение под ударением гласного верхне-среднего подъема [е] на месте дифтонга [иѐ]» (с. 277), то почему такая межслоговая регрессивная ассимиляция не происходила перед дифтонгом [иѐ] до монофтонгизации, тем более что позднее регрессивная ассимиляция перед ударным [и] и дифтонгом [иѐ] все-таки происходила (с. 278–279).

Д. М. Савинов особо настаивает на том, что умеренное яканье следует рассматривать как «фонологическую модель». Автор приводит ряд аргументов, которые должны обосновать данный тезис, однако, что такое «фонологическая модель» и чем она отличается от «фонетической модели» (если можно говорить о таковой), остается неясным. Видимо, речь идет о том, что умеренное яканье сформировалось в результате действия фонологического фактора, а именно развития корреляции по твердости/мягкости: распределение гласных предударного слога происходило не в результате ассимилятивных фонетических процессов, а в зависимости от твердости/мягкости следующего согласного. Если я правильно понял мысль Д. М. Савинова относительно «фонологической модели», то тогда слишком сложным образом, по-моему, он объясняет «аномальные» формы типа т[имн']ѣть, з[имл']ѣй и т. п. с [и], а не с [а] перед твердым согласным, за которым следует мягкий. Видимо, во время формирования умеренного яканья первый согласный был еще мягким, что было следствием действия старой — еще праславянской — тенденции к внутрислоговому сингармонизму, которая сохраняла актуальность еще какое-то время и после падения редуцированных. Позднее первый согласный сочетания отвердел, но это уже не повлияло на гласный предшествующего слова, так как формирование умеренного яканья к этому времени уже завершилось. Кстати, похожим образом В. Н. Сидоров

объяснял отсутствие перехода /e/ > /o/ в современном русском литературном языке в таких словах, как *набедренник* (ср. *бёдра*), *сестрин* (ср. *сёстры*), *теплится* (ср. *тёплый*), *дешевле* (ср. *дешёвый*), *шепчет* (ср. *шёпот*) и мн. др. [Сидоров, с. 129–130]. Но такая трактовка аномальных форм умеренного яканья в известном смысле противоречит выводу Д. М. Савинова о том, что именно «с синхронной точки зрения систему умеренного яканья нужно рассматривать как фонологическую модель» (с. 315). Для настоящего рецензента как представителя Щербовской фонологической школы здесь нет проблемы: при умеренном яканье в 1-м предударном слоге в зависимости от твердости/мягкости следующего согласного чередуются фонемы /a/||/и/, при архаическом диссимильном яканье — эти же фонемы чередуются в зависимости от подъема гласного следующего слога. Поскольку и в том и в другом случае речь идет о чередовании фонем, возможны отклонения от первоначального распределения, вызванные морфонологической индукцией форм и более поздними фонологическими изменениями (например, утратой фонем /ъ/ и /ω/, после чего фонетический принцип диссимильности перестал действовать). Само же первоначальное распределение, конечно, отражало «фонологическую модель». А вот при диссимильном яканье распределение «звукотипов» [а] и [э] в зависимости от подъема гласного в следующем слоге отражает аллофонное варьирование фонемы /a/ и не представляет фонологической модели, а значит, и не осознается диалектоносителями.

Итак, согласно концепции, предложенной Д. М. Савиновым, практически все разновидности яканья/яканья, в том числе умеренное, ассимильно-диссимильное, которое подробно рассматривается в последней главе, и сильное, восходят к архаическому диссимильному яканью/яканью. Это вполне соответствует взглядам, широко распространенным в русской диалектологии. Однако автор, как уже было отмечено, не считает, что представленный в этом архаическом типе диссимильный механизм был первичным, с чем можно согласиться, поскольку архаическое диссимильное яканье/яканье стало называться «архаическим»

главным образом потому, что в нем различаются фонемы средне-верхнего и средне-нижнего подъема, т. е. его архаичность связана с ударным, а не безударным вокализмом. Опираясь на редукционную гипотезу возникновения яканья, Д. М. Савинов считает, что диссимильный вокализм в своем развитии прошел два этапа: 1) «нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема», 2) «формирование новой системы зависимости между ударным гласным и безударными гласными, основанной на фонетико-просодических параметрах» (с. 188). Но что с фонологической точки зрения представляет собой первый этап? Почему этот этап следует рассматривать в рамках развития диссимильного вокализма? Ведь на этом первом этапе, судя по всему, возникает не что иное, как система с недиссимильным яканьем и сильным яканьем, из которых в принципе могут быть выведены все другие разновидности яканья/яканья. Взгляд на недиссимильное яканье/яканье как исходный тип безударного вокализма представлен в науке (см. работы Н. ван Вейка, О. Б. Курило, в какой-то степени Ф. П. Филина и др., из современных исследователей — В. Чекмонаса, Ю. С. Кудрявцева, С. В. Князева). Эта точка зрения получает дополнительную поддержку с позиций лингвистической географии: согласно ее постулатам, архаизмы (в нашем случае это недиссимильное яканье и сильное яканье) находятся на периферии ареала (псковская группа, восточные южнорусские говоры и юго-западные белорусские говоры), а инновации (диссимильное яканье/яканье) — в центре (говоры юго-западной диалектной зоны) [Чекмонас, с. 336–337].

В заключение отмечу, что рецензируемая монография включает в себе фундаментальное научное исследование, выполненное на основе тщательного лингвистического анализа огромного диалектного материала, в значительной степени собранного самим автором во время диалектологических экспедиций. Это исследование вносит существенный вклад в разработку одной из актуальнейших проблем русистики — становление и развитие систем вокализма в русских говорах. И результаты исследования, и впервые введенный в научный оборот

материал говоров несомненно будут востребованы новыми исследователями русской диалектологии.

Отмеченные спорные положения и высказанные критические замечания, вызванные прежде всего сложностью обсуждаемых в монографии Д. М. Савинова проблем и возможностью разных подходов к интерпретации материала, не мешают настоящему рецензенту сделать вывод о том, что русская диалектология обогатилась ярким, новаторским и перспективным исследованием.

Литература

Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах (экспериментально-фонетическое исследование). Казань, 1980.

Зиндер Л. Р. Критика понятия «звукотип» // Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. М.; СПб., 2007. С. 430–434.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткина Р. Ф. Среднерусские говоры и ритмика слова // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 221–235.

Попов М. Б. Новая гласная фонема в русском языке? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2003. Вып. 1. С. 16–25.

Сидоров В. Н. Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье // Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966. С. 98–141.

Соболевский А. И. [рец.:] Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Отдельный оттиск из Русского филологического вестника. Варшава, 1893 // ЖМНП. 1894. № 4 (Перепечатано в: Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии / под ред. В. Б. Крысько. М., 2006).

Чекмонас В. Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии // Russian linguistics. 1987. N 11. P. 335–349.

Для цитирования: Попов М. Б. Рецензия на книгу: Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах (М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. 319 с.) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 191–198. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.223

For citation: Popov M. B. Review of the book: Savinov D. M. *Evolution of vocalic systems in the South Russian dialects*. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, 2013. 319 p. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 2, pp. 191–198. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.223

Контактная информация:

Попов Михаил Борисович — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; popov_mb@list.ru

Popov Mikhail B. — Doctor of Philological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; popov_mb@list.ru